

Глава 60.

Я в порядке.

Желая избавиться от гнева и разочарования, которое она испытывала, увидев своих родителей, Чжао Лайфи решила полностью погрузиться в мир волшебных звуков, где можно выплеснуть все чувства и исцелиться погружением в мелодичную симфонию. Она села за фортепиано, но перед этим она неосознанно схватила что-нибудь выпить из холодильника. Даже не удосужившись проверить, что это было, она залпом выпила всю бутылку.

Вкус был чрезвычайно знакомым и небесно-сладким, как яд, забивающий ее разум. Через несколько минут ее мозг затуманился, и она едва могла трезво мыслить.

Она села на скамейку, где она проводила большую часть своего времени, часами забывая о том, что рвало ее сердце на части. Она нажала одну клавишу, затем две, три, пока ее пальцы не создали меланхолическую симфонию.

Она всегда играла по памяти, произведения были ей знакомы. Они чувствовали себя в безопасности - ничего подобного ее травмирующему прошлому или ужасающей неуверенности в будущем.

Гостиная наполнилась навязчиво грустной мелодией. Иногда она начала медленно петь текст песни, которую услышала несколько месяцев назад.

«Внезапно теплый воздух, становится холодным.

Увядающие цветы напоминают мне о том,

Что юность пролетела мимоходом,

Цветы весны засохли не расцвев.

И сумеречной ночью, все чаще вспоминаемы

Те проблески надежды, мерцающей вдали

Но только понимаем, они недостижимы

Хоть кажутся порою так близки.»

Воспоминание прошло через нее, воспоминание об ослепительной женщине, окруженной

живым смехом людей.

Женщина улыбалась, ее глаза сияли невинностью, совершенно не подозревая о темном будущем, которое вскоре накроет ее, наверняка, уничтожив. В толпе людей стояла молодая Чжао Лайфи, еще совсем юная и не испорченная завистью, поскольку Ся Мэнси еще не было и в помине на горизонте.

"Любовь, как беда, омывает меня.

Стою у причала еще не разрушенного.

И шепот становится криком дождя,

И ливень стирает границы и душит.

Из глаз моих слезы, почти океан

Потопом соленым на дно опускают.

Казавшийся сладким любви аромат

Мне ядом теперь озывается горьким».

Она вспомнила свои юношеские годы, когда Чжэн Таньси все еще считался ее хорошим другом. До того, как Ся Мэнси появился в их судьбах, он фактически поместил ее в безопасное место в своем сердце, считая ее хорошей и полезной знакомой.

Она вспомнила душераздирающую сцену, в которой Чжэн Таньси надел белый цветок на ее волосы, напоминая ей, что она все еще «чиста».

Счастлирое воспоминание было разрушено, и на смену ему пришла знакомая сцена, к которой память возвращала ее вновь и вновь. Чжэн Таньси повернулся к ней спиной, обдавая ее холодом, а она лихорадочно цеплялась за него и просила, горькие слезы текли по ее лицу, когда она рыдала отброшенная на пол.

Насмешка над ней была тем ароматом, который она испытала в юном возрасте. Дорогая бутылка, брошенная на пол и смешанная с водой из разбитой вазы рядом с ней, стала едким запахом.

«Я танцую на опавших лепестках

Ослепленная манией ложной надежды.

Распрощавшись с прошлым своим впопыхах

Я надежды на будущее не имею.

Все прекрасное, чистое сапогами растоптано

Я пытаюсь забыть это чувство глубокое.

Только что впереди - пустота одинокая

От чего же судьба у меня жестокая. »

Чжао Лайфи играла на пианино весь день, и в итоге ее пальцы едва могли двигаться. Трясаясь и обливаясь холодным потом, она, наконец, обессилено положила голову на прохладную поверхность инструмента. Не смотря ни на что, она чувствовала себя одинокой.

Хотя в просторной квартире, заполненной мебелью для одного человека, стоял огромный диван, предназначенный для семьи, и незанятая комната для гостей.

Она думала, что эта квартира была слишком большой для нее.

Тьма преследовала, одиночество угнетало, и огромное окно, через которое можно было любоваться красивыми огнями города, могло заставить, кого угодно чувствовать себя очень маленьким. Чжао Лайфи не могла удержаться от грусти.

В одиночестве ... она всегда была такой.

Она была на грани засыпания, когда знакомая мелодия ее телефона трелью разлилась по комнате. Она была смущена тем, что ей кто-то звонил. После секундного колебания она, наконец, решила встать и ответить на звонок, не глядя на номер звонящего.

- Привет...?- сказала она тихо, ее голос был мрачный и удручающий. Она подошла к стеклянной стене, которая отделяла ее от остального мира. Она смотрела на сверкающие мириады огней города, наполненные жизнью, но полные одиноких душ.

- Лайфи.- Его голос, твердый и глубокий, как всегда, смутил ее.

Она взглянула на свой телефон, чтобы убедиться, что это не иллюзия, не плод ее фантазии, и ее сердце замерло. Она моргнула от внезапной эмоции, ее пальцы стали липкими, когда она

подумала о том, насколько знакомым было это чувство. Нет, не снова ...

- Ты чем-то огорчена. Что случилось?- спросил он ее, его голос проник в ее душу, как самая роскошная чашка горячего шоколада. Теплый, манящий и нежный. Это заставило ее почувствовать, что все хорошо и замечательно. Чжао Лайфи почувствовал, как дрожит она от искренности в его голосе.

- Ничего не случилось. Ты все преувеличиваешь - сказала она, но ее слова не успокоили его.

Ян Фэн сидел в своей машине, скрестив ноги и глядя в окно. Было уже 9 вечера, но он только возвращался из офиса домой. Услышав, как она звучит по-другому, чем сегодня во время завтрака, он сразу же приказал Ху Вэю развернуть машину и направиться в квартиру Лайфи, которая находилась на другом конце города.

- Мне не нравится твое настроение.- Возразил Ян Фэн, его взгляд был темным, но тон был полон беспокойства.

Она ничего не сказала. Глядя на мерцающие огни города, она приняла его слова во внимание. Она была в порядке?

- Я в порядке.- Кратко ответила она, хотя умом понимала, что это не так. Она мечтала о бутылке вина в ее холодильнике, что бы запутать свой разум от всепоглощающей меланхолии в ее квартире.

В этой квартире было много воспоминаний, которые она никогда не хотела перечислять. Каждый раз, когда она смотрела на гостевую спальню, ей вспоминалось воспоминание, которое она поклялась, похоронить в глубине своего сознания.

Ян Фэн нахмурился от ее слов. Она была в порядке? Она думает, что он глупый? Он решил, что было бы неплохо увидеться с ней как можно скорее, потому что она, казалось, находилась в очень критическом состоянии.

Держа телефон подальше от себя, он тихо призвал Ху Вэю ехать быстрее: «Нарушишь ограничение скорости. Я разберусь с последствиями».

Ху Вэй был удивлен его приказом, но, тем не менее, последовал ему, для него его слово означало закон. Через несколько секунд он ускорился по шоссе, уклонялся от машин и ворвался на улицы города. Как автомобильный гонщик с безумным сердцем, он довел черный Майбах до предела.